

бюрократическую монархию Романовых. Решающим, поворотным пунктом в этой эволюции стала эпоха Петра Великого, который, стремясь ускорить социально-экономическое, политическое и культурное развитие России, в ходе своих грандиозных реформ сделал ставку на государственные институты, прежде всего на бюрократию, как главные инструменты в их осуществлении. Местное самоуправление при нем было сведено к минимуму, и хотя после Петра можно говорить об определенном откате от этой сверхцентрализации и бюрократизации, однако новая традиция, заложенная при Петре и опиравшаяся на тенденции, которые возникли намного ранее, взяла верх.

Анализируя особенности развития русской государственности в раннее Новое время (понимая под ним конце XV – начало, точнее, 1-ю четверть, XVIII вв.) и определяя факторы, оказавшие наибольшее влияние на формирование своеобразной его внешней формы, мы считаем, что здесь сыграли свою роль два момента. Первый – необходимость и неизбежность экспансии, обусловленная рядом как объективных, так и субъективных, причин. Вторая – бедность России ресурсами. Два этих фактора, наложившись на необходимость существенной перестройки военного механизма с учетом требований военной революции, сделали неизбежным доведение до логического завершения идеи «служилого государства». В этом государстве все его «чины» были обязаны службой государству, которое принималось обществом в целом и отдельными сообществами в частности, как некий силовой кокон, обеспечивающий выживание социума и сохранение привычного уклада жизни. Растущие требования государства к обществу и невозможность удовлетворить их при сохранении прежних порядков сделали неизбежным усиление насилия, направленного сверху вниз, со стороны власти по направлению к местным сообществам. Самодержавно-земская монархия, основанная на определенном договоре и сотрудничестве земли и власти, была сменена на монархию самодержавно-бюрократическую, в которой верховная власть опиралась в первую очередь на насилие.

Пенской Виталий Викторович,
доктор исторических наук, доцент,
профессор кафедры теории и истории государства и права,
юридический институт НИУ «БелГУ»
(Белгород, Россия)

РАННЕМОДЕРНЫЕ ГОСУДАРСТВА ЕВРОПЫ: ОТ «ЛОСКУТНЫХ» МОНАРХИЙ ДО «ЛЕВИАФАНА»

Аннотация. В статье автор рассматривают эволюцию раннемодерной европейской государственности. Используя эвристический потенциал, заложенный в концепции «составного государства» и «военной революции», автор статьи показывает, как необходимость внешней экспансии обусловила трансформацию рыхлых средневековых монархий в монархии раннего Нового времени, которые репрезентовали себя как централизованные. Вместе с тем автор показывает, анализируя особенности их развития и устройства, что степень их централизованности не стоит преувеличивать, и превращение их в современные государства заняло несколько столетий.

Ключевые слова Раннее Новое время, политический режим, бюрократия, composite state, абсолютизм, реформы

Традиционно считается, что раннее Новое время – это эпоха складывания и последующего развития т.н. «централизованных» государств. Последние отличались от прежних средневековых рыхлых, слабо структурированных и действительно «патриархальных» в своей основе монархий, прежде всего сильной центральной властью, надежно контролирующей подвластную ей территорию и способной навязать свою волю ее обитателям и проконтролировать выполнение своих требований.

Эта точка зрения, окончательно сформировавшаяся в трудах историков и правоведов 2-й половины XIX в. – начала XX вв., с 70-х гг. минувшего столетия подвергается все более и более жесткой критике и пересмотру в своих основных положениях. Конечно, формально, если подходить к вопросу с точки зрения официальных деклараций и заявлений, то картина складывается именно такая. Однако «ревизионисты» подошли к проблеме с другой стороны, обратив внимание на изучение того, что Дж. Бревер назвал «жилами власти» («sinews of power»)¹. Анализ политических, правовых, административных, судебных и иных практик, характерных для раннемодерных «централизованных» государств показал, что сложившееся мнение относительно степени их «централизованности» и могущества верховной власти преувеличены².

Вне зависимости от того, являлись ли эти раннемодерные государства «национальными», «данныческими империями» или же представляли собой «системы с фрагментированным суверенитетом»³, так или иначе, но верховная власть, не имея еще развитой административной «мускулатуры» и соответствующего юридического каркаса, ее оформляющего, была вынуждена в то или иной мере искать содействия и сотрудничества местных элит, корпораций и иных традиционных организаций и структур. И когда К. Барки пишет о том, что «имперское государство не обладает полной монополией власти над контролируемой им территорией», будучи вынужденно «разделять контроль со множеством промежуточных структур и с местными элитами, религиозными и местными организациями, и многочисленными другими привилегированными учреждениями»⁴, то эти слова могут быть отнесены не только к империям, подобным Османской или Священной Римской, но и к практически всем государствам раннего Нового времени. Даже пресловутые «национальные государства» того времени (та же Франция) никак не могли являться примером некоего политического, административного и правового монолита. Трудно не согласиться с мнением Н. Хеншелла, который указывал, что «подобно большинству европейских монархов, французские короли правили не национальным государством, и при этом национальное самосознание еще не стало реальной силой. «Нация» в политическом, расовом или лингвистическом смысле была слишком туманным понятием, чтобы определять преданность – ключевой термин в эту эпоху. Люди были преданны своей семье, своему господину, своему городу, своей провинции, своему классу, своей религии или своему королю. Но они редко были лояльны по отношению к своей стране... Без связующей силы развитого национального самосознания административное и юридическое единство отсутствовало»⁵. Что же тогда говорить об Испании

¹ Brewer J. The sinews of power. War, money and the English state, 1688-1783. London, 1989.

² См., например: Politics and Society in Reformation Europe. Eds. Elton G., Kouri E., Scott T. London, 1987; Rethinking Leviathan: The Eighteenth-century State in Britain and Germany. Eds. J. Brewer and E. Hellmuth. London-Oxford, 1999.

³ Tilly Ch. Coercion, Capital, and European States, AD 990-1990. Oxford, 1990. P. 21.

⁴ Barkey K. Empire of Difference. The Ottomans in Comparative Perspective. Cambridge, 2008. P. 10.

⁵ Henshall N. The Myth of Absolutism: Change & Continuity in Early Modern European Monarchy. London & New York, 1992. P. 8.

или о Британии? Следовательно, анализируя особенности политического и административного устройства раннемодерных государств, их политического и правового режима, нам необходим иной подход, иная методология, и неплохим выходом из этой ситуации представляется концепция раннемодерного государства как «составного» («композиционного» или «композиционного»), предложенная Г. Кенигсбергером и доработанная Дж. Эллиоттом¹.

Эти историки, рассматривая процесс складывания и функционирования государственных образований Раннего Нового времени, исходили из того, что на ранних этапах своего развития они представляли собой достаточно рыхлые, состоящие из разнородных территориальных элементов, политии². В условиях, когда обладание значительными территориями (больше земли – больше ресурсов, людских, материальных, финансовых и иных) давало неоспоримое преимущество в конкурентной борьбе с соседями, встать на путь развития именно такой формы политической организации выглядело достаточно соблазнительным³.

Естественно, что в таком случае перед монархом вставал вопрос – как обеспечить лояльность вновь приобретенным территориям, и эта проблема решалась обычно посредством заключения договора, писаного (закрепленного в некоей «хартии») или же неписанного (регулируемого в рамках традиции и правового обычая), предусматривавшего разделение компетенций между верховной властью и местными элитами. Перемены в политическом статусе, отмечал Дж. Эллиотт, несомненно, не могло не вызвать определенного недовольства населения этих территорий, но сохранение (хотя бы временное – **В.П.**) прежних порядков способствовало сохранению стабильности на вновь присоединенных территориях. При этом верховная власть, стремясь гарантировать лояльность местных элит и сообществ, избегала по возможности применять насилие, но, как подметил, «надстраивала» над сохраняемыми местными административными, судебными и правовыми структурами и институтами свои, активно прибегая к стратегии патронажа для того, чтобы привлечь на свою сторону местный нобилитет, политический и административный⁴.

Но, взяв за основу концепцию «составного государства», мы не можем не обратить внимания на тот факт, что верховная власть постепенно, шаг за шагом стремилась, и не без успеха, расширить сферу своей компетенции и добиться большей подчиненности своим интересам со стороны местных сообществ и нобилитета. Эта проблема решалась прежде всего за счет наращивания и совершенствования пресловутых «*sinews of power*». Необходимость же этих действий обуславливалась в первую очередь той сложной внешнеполитической ситуацией, в которой происходило развитие раннемодерных государств. XVI и последующие за ним века – это, как отметил историк Р. МакКенни, время экспансии и конфликта⁵. Успех же этой экспансии, неважно, внутриевропейской или внешней, колониальной, зависел от степени совершенства военной машины, созданной раннемодерными монархиями. И здесь нельзя на вспом-

¹ См.: Elliott, J. H. A Europe of Composite Monarchies // Past & Present. 1992. Number 137. The Cultural and Political Construction of Europe. P. 48-71; Koenigsberger, H.G. Monarchies and Parliaments in Early Modern Europe Dominium Regale or Dominium Politicum et Regale // Theory and Society. 1978. Vol. 5. 2. P. 191-217.

² Elliott, J. H. Op. cit. P. 51.

³ Ibid. P. 52.

⁴ Ibidem. P. 53-54, 55.

⁵ MacKenney R. Sixteenth Century Europe. Expansion and Conflict. London, 2002.

нить любопытную концепцию «military revolution», выдвинутую в 1955 г. британским историком М. Робертсом и доработанную Дж. Паркером¹.

Анализируя развитие европейского военного дела в раннее Новое время, М. Робертс пришел к выводу, что радикальные перемены в военных технологиях, вызванные изобретением пороха и внедрением в военную «повседневность» огнестрельного оружия, вызвали не менее серьезные изменения не только в тактике и стратегии, но изменили внешний облик и внутреннее устройство европейских армий. В свою очередь, необходимость соответствовать новым стандартам военных теории и практики, без чего нельзя было рассчитывать на успех в конкурентной борьбе с соседями, обусловили изменения в характере раннемодерной государственности. В частности, необходимость набирать, содержать, снабжать и оснащать новые, более многочисленные наемные армии, которые постепенно стали превращаться в армии постоянные, потребовали перестройки и реорганизации административно-бюрократического аппарата, увеличения его численности и придания ему большей «регулярности»². Соответствующим образом изменялись и «sinews of power», государственная инфраструктура, обеспечивающая надлежащий уровень управления, мобилизации ресурсов и сбора налогов. Параллельно происходило и переформатирование правовой и судебной систем, призванных обслуживать эти новые (обновленные) структуры и институты³.

Естественно, что эти процессы не могли не вызвать роста недовольства действиями верховной власти со стороны провинциальных элит и сообществ и, как следствие, Европа, начиная с середины XVI и до середины XVII вв., переживает болезненный период внутреннего переустройства. Войны, мятежи, религиозные и социальные движения, смуты – внутри «составных государств» происходила определенная перестройка и перераспределение власти, выразившиеся прежде всего в усилении роли государства, его более активном вмешательстве в экономику, социальную жизнь, образование и пр. Не случайно к концу этого периода на свет появляется концепция т.н. *Polizeistaat*. Государство шаг за шагом все более и более превращалось в пресловутого «Левиафана» – мощную и влиятельную структуру, способную оказать серьезное воздействие на процессы, происходящие в обществе. Однако этот путь оказался существенно растянут во времени и занял более двух столетий. Без преувеличения, можно сказать, что современное государство родилось в огне Первой мировой войны, однако это предмет для другого разговора.

¹ См.: Parker G. *The Military Revolution. Military innovation and the Rise of the West, 1500-1800*. Cambridge, 1988; Parker G. (). *The «Military Revolution», 1560-1660 – a Myth?* // *The Journal of Modern History*. Vol. 48. № 2 (Jun., 1976). P. 195-214; Roberts M. *The Military Revolution, 1560-1660* // Roberts M. *Essays in Swedish History*. London, 1967. P. 195-225.

² Roberts M. *Op. cit.* P. 205.

³ Kollmann N. S. *By Honor Bound: State and Society in Early Modern Russia*. Ithaka & London, 1999. P. 1-2.